

УДК 338.2

Современная экономика и национальные приоритеты для России

Орлов С.Л.

Доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса и таможенного дела, профессор базовой кафедры управления в сфере закупок Минвостокразвития России в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова (Москва)

Нестулаева Д.Р.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета

Давыдова А.С.

Старший преподаватель базовой кафедры Федеральной антимонопольной службы России в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова (Москва)

Переход мировой экономики в XXI в. характеризуется отличительным императивом развития на длительную перспективу, в полной мере обозначившимся лишь в последнее десятилетие, в период масштабного финансового кризиса 2007-2008 гг. Реалии современного мирового порядка требуют осмысления и последовательной конкретизации наиболее специфических и практически значимых его элементов. Однако общие, характерные для всей глобальной экономики черты, не нивелируют, а ещё более оттеняют то особенное, что присуще национальной экономической системе России, учитывая задачи нынешнего этапа развития, предполагаемую стратегическую парадигму, а также многочисленные исторические, природно-климатические и нравственно-этические ценности. Суть состоит в том, что у нас были, есть и будут собственные национальные интересы, а следовательно, и особенности их реализации. Именно исходя из этого, следует формировать основные задачи властных структур России в различных областях современного миропорядка и в сфере глобальных общественных приоритетов.

Ключевые слова: кейнсианская и монетаристская концепции, общее и особенное, наднациональное экономическое пространство, многополярное осмысление геополитики, социальная стабильность, стратегическое планирование, современные институты, Комплексный план действий Правительства.

Часть I. Трансформация экономических реалий и особенности современного этапа мирового развития

Современная экономика в настоящее время представляет довольно сложную иерархическую систе-

му, гносеологическое восприятие которой основано на важнейших экономических законах, исторически подтверждённых на протяжении многих десятков и даже сотен лет.

К ним, бесспорно, можно отнести закон возвышения потребностей, закон спроса, закон предложения, возрастания дополнительных затрат, убывающей доходности, эффекта масштаба, закон экономии времени и закон конкуренции. Теоретическое осмысление указанных постулатов на протяжении последнего столетия нашло отражение в наиболее известных и привлекательных для экономистов всех направлений кейнсианской и монетаристской концепциях. Каждая из них, и не без успеха, в определённое время претендовала на роль основополагающей экономической идеологии и бесспорного прагматического приоритета для правительств развитых государств. Сформулируем важнейшие базовые элементы, наиболее рельефно характеризующие упомянутые выше теории.

Основополагающими элементами теории Дж.М. Кейнса можно считать следующие утверждения:

– важнейшие проблемы воспроизводства необходимо решать с позиции спроса, обеспечивающей реализацию ресурсов;

– рыночная экономика не может обеспечить саморегулирование, это лишь теоретический посыл, и не более. Роль государства в экономике является обязательным императивом современного развития;

– проблему равновесия в экономике следует решать с позиции эффективного спроса, который выражает равновесие между производством и потреблением, доходом и занятостью;

– основным инструментом регулирования экономики признаётся бюджетная политика, на которую возлагаются задачи обеспечения занятости рабочей силы и производственного обеспечения [1; 2].

Современные положения монетаристской теории – в общественном сознании, зачастую, общепризнанного антипода теории Дж.М. Кейнса – изложены в трудах М. Фридмана, хотя первопроходцем данного направления, думается, следует считать представителя австрийской экономической школы Фридриха фон Хайека. Монетаризм, резюмируя основополагающие элементы, можно интерпретировать следующим образом:

– роль государства в экономике должна быть ограничена контролем за денежным обращением и ценами;

– рыночная экономика – это в полном смысле саморегулируемая система;

– инфляция должна быть подавлена любыми средствами, в том числе и сокращением социальных программ;

– число государственных регуляторов сокращено до минимума;

– значительно снижается роль налогового и бюджетного регулирования [3; 4].

На протяжении почти ста последних лет, что бы ни говорили представители экономической элиты

по данному поводу, ведущей базовой парадигмой в сфере экономической теории и практики были именно эти две концепции. Причём, мировые экономические предпочтения на каждую из указанных теорий ориентировались, исходя из сложившейся макроэкономической ситуации, на протяжении почти одинаковых периодов времени.

В начале XX-го столетия и вплоть до начала Великой депрессии в западном мире превалировало монетаристское направление и, как следствие, всеобъемлющая уверенность в безупречности рынка как такового: капитализм в тот период на европейском континенте и в США развивался по нарастающей. С начала 30-х гг. прошлого столетия и вплоть до середины 70-х гг. бесспорный приоритет наблюдается за моделью Дж.М. Кейнса (позднее – неокейнсианство, посткейнсианство). Тогда же стало ясно, что только с помощью государства, а не лишь самого рынка, можно вывести экономическую жизнь из состояния депрессии, а позднее – разрешить проблемы, связанные с выходом из создавшегося послевоенного небытия всей социальной системы Западной Европы.

Однако уже в период экономического кризиса в США и других странах Запада (1973-1975 гг.) во главе мировой экономической идеологии вновь выступает монетаризм в совокупности с элементами неоклассической теории. Думается, особую роль в тот период сыграла деятельность экономистов чикагской школы – учеников М. Фридмана – и, как тогда считали, успешное внедрение преобразований на базе монетарных приоритетов в экономике в практику общественного хозяйства Чили и некоторых других латиноамериканских государств. Уже позднее строго монетаристская направленность сыграла ключевую роль в реформировании экономики Польши, а в последующем – и в России. Однако российский эксперимент уже через несколько лет потерпел полный крах и именно тогда вновь заставил оглянуться и спросить «Куда идём?» и не пора ли кардинально изменить вектор экономических приоритетов?

В связи с этим вспоминается программа, разработанная в Институте экономики РАН под руководством академика Л.И. Абалкина ещё на заре реформ, приблизительно, четверть века назад. Согласно данному прогнозу и другим сопутствующим расчётам, при стабильном развитии внутривнутриполитической ситуации и благоприятных внешних факторах переход к либеральной социально-ориентированной модели экономики в России, без сколь-нибудь существенного ущерба для населения, мог произойти приблизительно к 2015 г. [5]. У нас же политические и экономические власти уповали на завершение реформ в течение трёх, максимум пяти лет, т.е., уже к середине 1990-х гг.

Однако теоретический императив, обозначенный в прошлые годы, вряд ли можно принять, даже от-

далённо, за основу действий в нынешней экономической ситуации в России, учитывая сложившуюся обстановку на международной арене и постоянные внешние вызовы. И здесь уже не стоит дилемма о выборе системы регулирования или стратегического вектора развития, базирующихся на кейнсианстве, монетаризме или ещё какой-либо более поздней экономической концепции, появившейся на свет в последние 25-30 лет. Всё гораздо сложнее. Если в современной экономической практике на макроуровне применять каждую теорию в отдельности, то вряд ли возможно обеспечить динамичное развитие общества. Необходимо их особое осмысление, подстройка и комплексный подход в постоянно изменяющемся временном лаге мирового тренда. Причём подобный вывод, на наш взгляд, касается практически всех развитых и развивающихся стран.

Иными словами, современный мировой экономический вектор не способствует «обыгрыванию» ранее известных теорий для их внедрения в современную практику государственного и корпоративного управления. Относительный успех применяемых в прошлом базовых концепций уже не имеет под собой единого практического, а, возможно, и теоретического обоснования. Речь вовсе не идёт о забвении исторически зарекомендовавших себя фундаментальных постулатах, просто в настоящее время каждая из ранее признанных моделей интерпретируется совершенно в других реалиях и уже опираться на какую-то одну из них вряд ли имеет смысл. Думается, всё же для одной страны, или группы близких по исторически сложившемуся мышлению, макроэкономическим, социальным, институциональным параметрам и территориальному расположению государств можно отыскать то философски **общее**, что может быть основано на сегментарном использовании основополагающих понятий в их дальнейшем особенном восприятии действительности для отдельных национальных экономик. Думается, созданный недавно Евразийский экономический союз вполне может удовлетворять перечисленным выше критериям [6].

Так в чём же состоят наиболее существенные и **общие** отличия начавшейся совсем недавно и, возможно, уходящей за далёкий горизонт **современной экономической эпохи**? Одновременно эти отличия непостижимым образом переплетаются с факторами, способствовавшими началу её формирования и, в определённой степени, последующему ускоренному становлению. Как нам представляется, в данном случае наиболее существенные, рельефно выраженные, причины нынешней эпохи в силу своей всеобъемлющей значимости трансформируются на уровень отличительных особенностей длительного этапа мирового экономического развития. Этот этап в полной мере заявил о себе сразу после финансово-го кризиса 2007-2008 гг., но ещё несколько ранее, в

период распада СССР, и к настоящему времени свидетельств о затяжной макроэкономической нестабильности, турбулентности и сложно предсказуемом развитии ещё более подтверждаются на практике.

Необоснованное ускорение отечественных реформ, а также игнорирование современной геополитической, макроэкономической действительности и особенностей российской истории полностью дискредитировали монетаристскую парадигму формирования экономики новой России, предложенную в начале 1990-х гг. В связи с этим обозначим наиболее характерные для мировой экономической системы и требующие осмысления для нынешней практики следующие важнейшие в теоретическом восприятии и наиболее **общие отличительные** черты современной эпохи:

– изменение доктрины территориальной целостности в Европе, распад СССР и последующее, зачастую искусственное, создание целого ряда новых государств на европейском и других континентах. Этот процесс способствовал формированию новых центров экономического притяжения и смену для многих территориальных образований приоритетов в развитии – от центростремительных к центробежным и обратно;

– расчленение относительно единого рынка мировой торговли на несколько групп, конкурирующих и, зачастую, испытывающих риски, региональных или локальных образований (ЕС, Азиатско-Тихоокеанского региона, латиноамериканского, североамериканского и т.д.), которые в силу объективных причин могут быть подвержены значительным конструктивным изменениям. Вследствие этого обострившаяся ранее тенденция к трансформации **в наднациональное экономическое пространство для целого ряда государств, вероятнее всего, будет существенно замедлена**. К подобному манёвру необходимо по-особому гибко адаптироваться, и основные причины этого заключаются во внутренней конкуренции и значительных различиях между экономическим потенциалом входящих в международное соглашение партнёров. Непрочность многих современных региональных объединений состоит в том, что в их основе лежат в первую очередь политические интересы ведущих государств и экономические – крупнейших транснациональных корпораций, а лишь затем, собственно, приоритеты национальных рынков. В этой связи можно прогнозировать укрепление ранее созданных и даже возникновение новых военно-политических центров и территориальных экономических объединений, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе;

– «транснализация» современных рынков труда, капитала и материальных ресурсов – важнейшая отличительная особенность нынешнего этапа развития мировой экономики. Таким образом, в конкурентном поле оказываются интересы надна-

циональных образований государств, созданных на основе экономических соглашений, с одной стороны, и транснациональных корпораций – с другой. Хочется, чтобы Евразийский экономический союз с честью выдержал это серьёзное испытание;

– особое значение приобретает интерпретация современной геополитики в её **многополярном** осмыслении [7; 8]. Здесь ощутимо противодействие различных по социально-экономическому статусу государств имперской гегемонии, возникающей со стороны какого-либо субъекта международного права. Сама же геополитическая модель из общепринятой аморфной вновь ориентируется на более чёткие и исторически выверенные национальные приоритеты. Этот процесс будет неуклонно продолжаться, что в свою очередь начинает способствовать развитию и упрочению контактов на **двустороннем межгосударственном уровне**, причём политический консенсус и многочисленные компромиссы в значительной степени активизируют продвижение по пути взаимовыгодного экономического взаимодействия, иногда трансформирующегося до уровня интеграции нескольких стран;

– экономические циклы и их ранжированная градация уже далеко не столь явно соответствуют изменениям в трансформации технологических укладов: границы между ними нечётки и размыты, вследствие чего происходит наложение отдельных фаз или их сегментов. При этом внутренняя структурная конструкция не столь явственно отражает процесс практического взаимодействия и перехода от начальной к последующим фазам в системообразующей экономической парадигме «спад-подъём». Особое значение приобретает противодействие затяжной фазе восстановления, более длительной и болезненной, чем на соответствующих стадиях прежних циклов. Поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что теория циклов в настоящее время как бы переформатировалась и существует теперь в режимах «до» и «после» **финансового кризиса 2007-2008 гг.**, т.е. в своём прежнем, классическом, и теперь уже в современном варианте, значительно адаптированном к нынешним реалиям;

– принятые несколько лет назад экономические санкции в отношении России, а ещё ранее – в целях противодействия деятельности на международных рынках для ряда других государств в полной мере подтверждают необходимость переосмысления современного этапа мирового развития. В последние 15-20 лет отчётливо прослеживается переходный тренд к зависимости национальных и даже региональных рынков от внешнего политического вектора и сопутствующих ему предпочтений, подчас исключительно волюнтаристски определяющих тактику и стратегию мирового экономического порядка. Подобная модель вносит диссонанс в общий

ход внешнеэкономической деятельности и в значительной степени **политизирует мировое экономическое развитие**. Впрочем, для современного этапа развития характерен и **обратный вариант, когда экономика усиленно вмешивается в политику** [7];

– прогнозируемый экономический рост гораздо в большей степени, чем ранее, зависит от возможности освоения **новых территориальных рынков** и трансформации научно-технических достижений на данные территории. При этом способы завоевания их могут быть чрезвычайно разнообразны, а подчас не всегда объяснимы с точки зрения классических подходов. Нетривиальные подходы, в частности, известны при продвижении продукции Китая на зарубежные товарные рынки в США и государства ЕС. Однако агрессивная внешнеэкономическая политика отдельных государств вызывает протестные настроения и защитные меры со стороны развитых стран-импортёров;

– современный **экономический дуализм** развивающихся национальных рынков характеризуется одновременно и другим понятием, требующим глубокого осмысления. Имеется в виду **внутренний спрос** национальных экономических систем и основанная на нём ёмкость рынка в различных странах, поскольку на этапе возможной экономической конфронтации между крупнейшими экономиками за региональные рынки сбыта потенциально высокий внутренний спрос становится важнейшим конкурентным преимуществом для отдельных государств: данный фактор способен на длительное время компенсировать потери от полученных внешних вызовов. В этой связи меры по повышению внутреннего спроса должны стать своеобразным «краеугольным камнем» деятельности экономических властей в России;

– крайне неравномерный переход к основополагающей для современной экономики и международной конкуренции четвёртой промышленной революции, вследствие чего наблюдается ускорение темпов отставания подавляющего числа государств от стран – лидеров в области современных технологий. Однако здесь уместно подчеркнуть, что искусственный повсеместный «разогрев» темпов ускоренного перехода к новому технологическому укладу может быть связан со значительными затратами и рисками: инвестиционными, социальными, экологическими и т.д. Подобная трансформация, кроме фактически достигнутого уровня социально-экономического развития, должна учитывать исторические, нравственно-этические, природно-климатические и другие региональные особенности. В противном случае четвёртая промышленная революция для многих стран может принести несопоставимые с возможными эффектами и слабо прогнозируемые для нынешнего поколения вызовы и риски;

– классические основы либеральной, т.е. рыночной экономики, незыблемо ориентировались на свободное ценообразование, частную собственность, конкуренцию и свободу производителя, а также наличие развитых институтов (гражданских, финансовых, социальных и др.) и инфраструктуры как таковой. При этом частная собственность в совокупности с конкуренцией считались своеобразным краеугольным камнем современной экономической системы. Однако в настоящее время особое значение приобретает не столько сам факт владения и распоряжения собственностью, но главным образом **способы и методы управления** ею. В современных условиях максимально ощутимый эффект от частной собственности можно наблюдать лишь в отдельных секторах общественного хозяйства, скажем, в оптовой и розничной торговле, бытовом обслуживании населения, общедоступной связи и коммуникациях, агропромышленном комплексе, некоторых видах транспортных услуг и строительства. Утверждение о прямой взаимосвязи между частной собственностью и уровнем привлечения инвестиций в тот или иной вид деятельности, как это отмечалось совсем недавно многочисленными теоретиками либерального толка, в настоящее время уже давно утратило актуальность. Поэтому для нынешнего этапа именно эффективное управление становится основой развития экономической и хозяйственной системы любого государства, начиная от микроуровня. При этом в явной форме давно **происходит передача многих функций управления от собственника к менеджменту**, а сам атрибут частной собственности уже не является столь приоритетным в плане приносимых эффектов для развития современных хозяйствующих субъектов. В настоящее время классический менеджмент, ранее чаще всего ориентирующийся на тактическое восприятие новаций, уступает место новой идеологии, в гораздо большей степени, чем в прежние годы, ориентирующейся на прагматическую стратегию развития. В этой связи более привлекательным можно считать императив государственно-частного партнёрства в сфере крупного предпринимательства и приоритет малого и среднего бизнеса на рынках потребительских товаров и услуг, в агропромышленном и строительном комплексах. Продвижению государственно-частной инициативы в крупном предпринимательстве способствует также тесное сотрудничество по многим направлениям между различными хозяйствующими субъектами, а зачастую наличие двух и более форм собственности в структуре капиталов целого ряда известных организаций. Взаимодействие крупного, среднего и малого бизнеса весьма перспективно на рынке государственных и муниципальных закупок, за исключением отдельных позиций гособоронзаказа. В связи с этими утверждениями следует подчеркнуть, что незыблемость конкуренции как важнейшего императива рынка далеко

не бесспорна. В частности, В. Полтерович [9] справедливо отмечает, что «предположения об эгоистической природе человека и конкуренции как главной движущей силе прогресса, лежащие в основе экономического мейнстрима и многих политологических конструкций, приводят к искаженным представлениям о важнейших тенденциях социально-экономического развития» [9];

– теоретические разработки и прагматические прогнозы подтверждают **стратегическое значение традиционных энергетических ресурсов – нефти, природного газа и угля** – для развития мировой экономики как минимум на ближайшие несколько десятилетий [10]. В связи с этим нефтегазодобывающие государства продолжают оставаться важнейшим звеном мировой экономической системы. По утверждению экспертов, в 2016-2017 гг. впервые в энергобалансе государств ЕС импорт газа из России составил более трети. При этом параллельно в ряде «неэнергетических» стран начинает развиваться нанотехнологический (по российской классификации – шестой) уклад. И оба эти центра притяжения будут существовать, дополняя друг друга, на протяжении длительного времени, а их эффективное развитие обеспечит поступательное движение всей мировой экономики;

– на современном этапе особое значение приобретает решение социальных проблем, ранее не относимых к разряду первостепенных. Известно, что их положительный тренд рассматривался, как правило, через призму макроэкономической стабильности и сопутствующего ей роста. При этом неоспоримые ранее факторы, способствующие положительной динамике доходов и уровня жизни в целом – низкая инфляция и безработица, далеко не всегда обеспечивают достаточный спрос и удовлетворение потребностей населения. В настоящее время требуется более гибко, взыскательно и оперативно реагировать на имеющиеся вызовы, поскольку сейчас базовым фактором для продвижения по пути роста является поддержание **социальной стабильности** в обществе, зависящей не только от экономических показателей. Реализация указанного приоритета в нынешних условиях связана также с необходимостью устранения террористических, агрессивных этноконфессиональных, техногенных и многочисленных иных подобных угроз, в целом значительно усложняющих процесс социально-экономической стабилизации в современном социуме;

– для отдельных стран внутреннее ранжирование по уровню жизни и социальному обеспечению населения до сих пор базируется в основном на достигнутом размере среднедушевого дохода из расчёта на месяц. Для развитых в экономическом отношении государств такой подход в целом можно считать приемлемым, в том числе и для расчётных показателей анализа качества жизни. Однако для значитель-

ного числа стран «третьего мира» в условиях усиливающейся поляризации доходов и дальнейшего расслоения в мировом сообществе особое значение приобретает **постоянный контроль и поддержание минимально допустимых критериев жизнеобеспечения человека**: среднедушевые нормы суточного потребления питьевой воды, продуктов питания и наличие профессионально оказываемой медицинской помощи;

– особое значение для перспектив развития мировой экономической системы имеет дальнейшее формирование и структуризация **городских агломераций в общей теории пространственного развития**. Теоретические основы т.н. новой экономической географии, разработанные П. Кругманом [11], в настоящее время приобретают знаковый оттенок: формируется своеобразный триединый комплекс, включающий ядро агломерации, прилегающий к нему пояс обеспечения трудовыми ресурсами, производственной, транспортно-логистической инфраструктурой и, уже в некотором отдалении, территории, на которых осуществляется деятельность по удовлетворению важнейших жизненных благ (агропромышленный комплекс, рекреация и туризм). Это в большей степени характерно для наиболее густонаселённых стран и государств с наибольшей территорией. Развитие современных городских агломераций значительно упрощает решение проблем занятости, природоохранных мероприятий и других факторов стимулирования научно-технического прогресса;

– в настоящее время своевременное и компетентно подготовленное противодействие многочисленным террористическим угрозам становится важнейшим императивом поступательного развития мировой экономики. Сама угроза терроризма из ряда региональных (Афганистан, Пакистан) давно позиционируется в качестве всеобъемлющего мирового императива. Налицо попытка насильственного изменения национальных идеологий, и это чревато постоянно возобновляемыми конфликтами в различных регионах планеты. Взять же на себя в полной мере ответственность за устранение этого явления в мировом масштабе, при поддержке всех заинтересованных сторон, может только ограниченное число ведущих держав, **лидирующих в первую очередь и в военном отношении**;

– современные форматы международных политических и экономических объединений в силу упомянутых выше причин зачастую уже не могут обеспечить поступательное развитие для входящих в них государств: они становятся всё более аморфными и менее предсказуемыми. Здесь, на наш взгляд, уместно говорить, по крайней мере, о двух деструктивных факторах. Первый из них основан на утверждении о том, что изначально практический фундамент межгосударственного взаимодействия не учитывал нынешние геополитические, межкон-

фессиональные, межнациональные и иные вызовы. Во-вторых, на стадии создания многих международных форматов, скажем, ЕС, идеология их дальнейшего функционирования не предусматривала искусственное и почти массовое пополнение за счёт других государств, гораздо менее подготовленных в политическом и экономическом плане (страны Восточной Европы, Балтии и др.).

Таким образом, теоретической основой для разрешения современного макроэкономического дисбаланса и сопутствующих ему многочисленных вызовов и противоречий может быть **новая парадигма осмысления социально-экономического развития мирового сообщества**. Самое главное состоит в том, что оценка современных реалий и, возможно, формирование тренда долгосрочного развития, должны порою учитывать необходимость применения более разнообразных и нетривиальных подходов в практике мировых экономических взаимоотношений. Одним из базовых принципов этого процесса может быть постоянно контролируемый перечень экономических и социальных параметров, ответственность за которые несёт уже не только государство, но и бизнес. При этом особое значение для динамического продвижения современного общества, как упоминалось ранее, имеет принцип стратегической инициативы и государственно-частного партнёрства, обеспечиваемого уже с экономического микроуровня.

В связи с выше изложенным, требуется внести уточнение в присущее современной мировой экономике терминологическое понятие «развивающееся государство». В настоящее время в основе этой градации лежит упрощённый макроэкономический подход, в большей степени характерный для послевоенного восстановительного периода второй половины 1940-х – конца 1960-х гг., и основанное на нём словосочетание «развивающаяся экономика», исходя из стандартных теоретических оценок достигнутого уровня развития того или иного государства. Впрочем, даже по общепризнанному критерию объёма ВВП, по паритету покупательной способности многие «развивающиеся» экономики, в частности, Китай, Индия и даже Россия уже сейчас оставляют позади исторически зарекомендовавших мировых лидеров. Поэтому сложившаяся интерпретация происходящего является в значительной степени однобокой, сугубо упрощённой и не обеспечивает раскрытие реального потенциала отдельных стран для мирового процесса сохранения общечеловеческих ценностей.

Как нам представляется, в ближайшей перспективе потребуются более глубокое ранжирование нынешних государственных образований с учётом реальной расстановки позиций в мировой геополитической, экономической, военной, научной, культурной иерархии, участия в деятельности по обеспечению международной безопасности и т.д.

Уже сейчас можно считать недостаточно обоснованной, а возможно, и неперспективной современную группировку государств по условным позициям, исходя из достигнутых объёмов ВВП и ряда других макроэкономических показателей – G7 (наиболее развитые), E7 (развивающиеся) и т.д. На наш взгляд, в настоящее время особенно важно обеспечить разработку новой системы оценок роли и места каждого участника международного сообщества в достижении мирового политического консенсуса и динамичного экономического развития. Использование такого подхода позволит **объективно обозначить приоритеты и место отдельных государств в сложной структуре современного мирового порядка.**

Часть II. Национальные приоритеты и «дорожная карта» для России

В настоящее время модель социально-экономического развития России, кроме рассмотренных выше общих для мировой системы обстоятельств, испытывает усиленное внешнеполитическое воздействие, связанные с ним глобальные финансовые вызовы и вытекающие из этого многочисленные ограничения на макроэкономическом уровне. Это требует поиска новой парадигмы общественных приоритетов, нацеленных в первую очередь на эффективное функционирование важнейших фундаментальных институтов. Основой указанных институтов является, бесспорно, государство, общество (социум) и совокупный предпринимательский сектор. В связи с этим постараемся обозначить, хотя бы в общих чертах, вектор того **особенного**, что необходимо при формировании и практической реализации современной экономической стратегии России. Скажем более однозначно: Россия в полной мере имеет право даже на **особый путь развития**, исходя из значительной специфики – исторической, пространственной, природно-климатической, профессиональной и т.д. Именно это наложило характерный отпечаток на формирование **евразийского** (не однозначно европейского или азиатского) менталитета населения и отличительного типа государственного мышления, хотя, следует признать, не всегда эффективного и в полной мере осознанного.

Одно из существенных отличий, как известно, заключается в том, что в экономике нашей страны вот уже на протяжении десятков лет доминирующими факторами её благосостояния и драйверами поступательного развития являются природные **энергоресурсы** – нефть и газ, а также продукты их переработки. Это связано с особенностями географического положения и, как следствие, природным ресурсным потенциалом. Поэтому данный высоколиквидный актив и впредь будет определять роль России как ведущего экспортёра-донора энергетических ресурсов для мировой экономики. И в этом состоит не только макроэкономическая составля-

ющая, но и политическая: резко повернуть вектор развития и максимально уйти от энергетического приоритета в ближайшие годы будет просто невозможно. Думается, независимо от складывающихся цен среднестатистическая нефтегазовая прослойка в ВВП и доходах консолидированного бюджета всё равно будет весьма существенной, не менее 25-30 %, что вполне естественно для ведущей энергетической державы.

Учитывая территориальные и иные особенности России, вектор трансформации к четвёртой промышленной революции или – в российской интерпретации – в большей степени к шестому технологическому укладу должен происходить при активном участии государства. Здесь уместно иметь в виду, что государство в первую очередь берёт на себя ответственность за демографическое, инфраструктурное и социальное развитие территорий, а предпринимательская среда имеет приоритет в научно-технологическом и информационно-коммуникативном продвижении.

В этой связи необходимо отметить, что в настоящее время экономика России, как сердцевина современной национальной общественной системы, при постановке и решении указанных задач в качестве основополагающей парадигмы на длительную перспективу требует безусловного перехода к системному стратегическому планированию. Объективной основой этого процесса в России, кроме прогнозируемой на долгие годы мировой экономической и политической нестабильности, можно также считать необходимость построения современного механизма стратегического управления, способного усилить интеграционные процессы в наднациональной системе Евразийского экономического союза.

Успехи стратегического планирования в «дорыночные» годы не подлежат сомнению, и ныне апробированный горизонт формирования прогноза во временном лаге двенадцати и более лет должен быть на практике взят за основу при разработке перспектив развития важнейших стратегических и наиболее затратных отраслей и сложившихся народнохозяйственных кластеров [12]. При этом особое место следует уделить комплексному системному подходу на этапе разработки планируемых прогнозов.

Пространственно-временная трансформация современного управления в связи с необходимостью перехода к принципам стратегического планирования на основе системного подхода, как нам представляется, удачно также подмечены Г. Клейнером [13]. В частности, автор упомянутой статьи справедливо отмечает, что «рассмотрение экономических систем, с точки зрения их локализации в пространственно-временном экономическом континууме, создаёт предпосылки для учёта как общеэкономических закономерностей, так и территориально или темпорально (во времени) специфических (в том

числе исторических особенностей)» [13, с. 118]. Принцип локализации, о котором здесь упоминается, гораздо продуктивнее рассмотреть через призму тактических направлений деятельности Правительства России и Центробанка, которые должны обеспечить в целом поступательное решение текущих задач и, по возможности, постепенно перейти к осуществлению стратегических замыслов. Успехи в решении современных первоочередных проблем в дальнейшем упрочат внутривнутриполитическую и социальную базу стратегического мышления, и в этом ещё раз проявляется то **особенное**, что в настоящее время можно считать характерным для нашей страны.

Особенное в исследуемой модели просматривается для России в процессе определения главных приоритетов на этапе перехода к стратегическому планированию. Этот своеобразный трамплин в своей основе опирается на максимально возможное устранение проблем внутренней социально-экономической политики и целевых установок, для которых «ручное» управление оказалось не вполне эффективным. При этом вряд ли можно отрицать, что сама система «ручного» управления, учитывая многочисленные специфические факторы и риски, не должна кануть «в лету», а просто отойти на естественный второй план и быть как бы в резерве. Полагаем, что окончательно забыть о ней вообще вряд ли удастся, однако ближе к завершению временного лага большого цикла, т.е. уже после 2050 г., указанная система в целях практического применения потеряет всякий смысл. Почему однозначно отказаться от подобной схемы управления в обозримом будущем всё же будет достаточно сложно? На наш взгляд, это может быть связано в первую очередь с освоением Арктического Севера и защитой национальных интересов в зоне арктического шельфа. А это потребует особых усилий со стороны государства и непосредственных исполнителей, а заодно и нетривиальной системы управления различными видами ресурсов. При этом стратегическое мышление для всех уровней государственных и бизнес-структур останется фундаментом, который должен вывести общественное сознание на принципиально новый этап управления экономикой.

В последние годы ещё более рельефно обозначились несколько важнейших социально-экономических проблем, приоритетных не только для России, но и для ряда других стран с т.н. переходной (развивающейся) экономикой. Сформулируем ведущие приоритеты, определяющие главный вектор для перехода к системе стратегического планирования. Если рассматривать их, с точки зрения основных критериев того, что не было достигнуто в предыдущие годы становления нового механизма хозяйствования, то пучок **взаимосвязанных** между собой важнейших проблем может быть заявлен тремя главными, на наш взгляд, позициями:

– высокий уровень бедности, в первой половине 2017 г. достигший, по мнению многочисленных экспертов, максимальных отметок за последние полтора десятка лет [14];

– крайне высокое, неоправданное для масштабов экономики и унижающее социальное достоинство подавляющего числа граждан, расслоение членов общества;

– отсутствие эффективной, качественной, доступной и понятной для населения деятельности большинства современных институтов, в первую очередь социальных и инфраструктурных.

В этой связи целесообразно уточнить и структурировать представленные выше приоритеты. Индикатором **в первом** случае должен стать удельный вес заработной платы в ВВП и среднегодовые темпы роста (прироста) указанного показателя. Однако при этом следует иметь в виду, что в России, начиная со второй половины 2014 г., значительно, почти на 15 % в течение последующих трёх лет, сократились реальные денежные доходы населения [14], а это потребует в дальнейшем ускоренного роста номинальной заработной платы для устранения ранее накопившегося отставания.

Для контроля за минимизацией диспропорций **по второй** группе приоритетов, тесно взаимосвязанной с предыдущей позицией, в качестве ориентира целесообразно использовать понятный для многих уровень социально-экономической дифференциации населения по доходам, т.е. максимально допустимое соотношение между двумя децильными группами населения – соответственно 10 % наиболее богатых и наиболее бедных членов общества. Между тем данный критерий введён в число основных показателей состояния национальной безопасности России [15]. К сожалению, этот важный для характеристики социального климата в современном обществе показатель зачастую просто замалчивается.

Как известно, ускорение темпов расслоения населения – общемировая тенденция, однако сейчас в России, по оценкам экспертов, данная величина как минимум вдвое выше фактических показателей в развитых странах ЕС. Поэтому в настоящее время наиболее важно обеспечить устойчивый тренд в сторону снижения критериев непомерной дифференциации населения. Квазираспределительная система 1990-х гг. в условиях неоправданно ускоренных реформ почти сразу довела ситуацию до критического уровня. Последовавшие в начале 2000-х гг. меры для обеспечения контроля за указанным процессом, включая последующую систему «ручного» управления, лишь незначительно стабилизировали темпы расслоения в обществе, однако, по большому счёту, эта важнейшая задача ещё долгие годы будет оставаться «ахиллесовой пятой» Правительства России. Для решения указанной проблемы потребуются серьёзный экономико-политический манёвр и соот-

ветствующий набор механизмов, обозначенных в системе стратегического планирования.

Раздвигая горизонт **третьей** группы приоритетов, необходимо, во-первых, отметить их структурную многогранность, но для большинства из них, кроме того, ещё и тесную взаимосвязь с решением указанных выше важнейших социальных задач. Формирование современных институтов в экономике нашей страны – задача куда более сложная и долговременная, чем, допустим, отпуск цен или приватизация. В условиях свободного ценообразования, частной собственности и создания основ предпринимательского климата рыночное пространство для хозяйствующих субъектов приобретает лишь первичный статус-кво. Иными словами, налицо только прочная точка невозврата к прежней системе хозяйствования, однако в целом это пока несовершенный рынок, и в социальном плане, в первую очередь по уровню доходов нынешняя общественная парадигма неприемлема для благополучного проживания большинства населения России. Поэтому основные проблемы, не получившие положительного развития в формате прежнего способа управления, переходят для решения в следующий этап, предположительно, в большей степени обеспечивающий реализацию указанных приоритетов.

Продвигаясь по ступеням обозначенных проблем, следует отметить положительное влияние формируемых современных институтов на возможность решения общеизвестных и наиболее сложных в социальном плане задач: обеспечение достойного уровня жизни будущим поколениям и кардинальное изменение демографической ситуации в стране. Среди них, бесспорно, основополагающее значение имеют **доступный рынок жилья, пенсионная система, здравоохранение и образование**. При этом прослеживается тесная взаимосвязь не только с успешным решением обозначенных ранее двух предыдущих задач, но также с ускоренным развитием многих базовых отраслей экономики, спрос на продукцию которых формируется на внутреннем рынке.

На наш взгляд, наиболее значимые для России системообразующие инфраструктурные институты можно представить в следующем виде: **рынок финансовых услуг, транспортно-логистическая система и сфера государственных и муниципальных закупок**. Если первые два из них изначально можно определить в качестве сопутствующих становлению современного механизма хозяйствования, то федеральная контрактная система находится ещё в начальной стадии своего длительного формирования. В случае положительного решения этих и других, рассматриваемых выше задач, противодействие «хронической» болезни России, которой, по общему признанию, является коррупция, может быть осуществлено намного успешнее [16].

Значительную часть рассматриваемых выше задач можно решить, ориентируясь на малое и среднее предпринимательство. Дело в том, что на протяжении длительного периода этот важнейший императив поступательного развития экономики в России был сформирован лишь на низовом уровне, да и то с существенными изъятиями. И в этой связи активная государственная поддержка его реального становления является просто необходимой [17]. В первую очередь это касается устранения проблемы эффективного взаимодействия малого, среднего (МСП) и крупного бизнеса, т.е. введения в деловой оборот всех возможных сфер и субъектов хозяйственной деятельности и, кроме того, обеспечения пропаганды положительного имиджа предпринимательства среди различных слоёв общества.

Однако необходимо подчеркнуть, что для нашей страны особое значение имеет не просто достижение определённых контрольных цифр по развитию МСП, но и осмысление его роли в особенных условиях России. Имеется ввиду безусловный учёт территориального положения и в связи с этим – приоритет решения первостепенных задач по защите национальных интересов, а также несбалансированность и наличие многих «узких» мест в бюджетной сфере. Решение указанных проблем в значительной степени усложняется недостатком населения в трудоспособном возрасте. Именно дополнительные трудовые ресурсы, не задействованные для решения первостепенных политических и социально-экономических задач в области национальной обороны, на крупных предприятиях промышленности, включая ОПК, в государственной системе здравоохранения, образования и т.д., смогут быть переориентированы на участие в малом и среднем предпринимательстве, причём в самых разнообразных сферах экономической деятельности. Тем не менее нельзя допустить **избыточного** участия МСП в деловом обороте и усиленно насаждать деятельность малого и среднего предпринимательства в тех областях общественной деятельности, где это будет неэффективным или вообще не обеспечит решение государственных задач.

Таким образом, парадигма основных результатов стратегического планирования в России, исходя из наиболее актуальных в настоящий период приоритетов, должна иметь чётко выраженную социально-экономическую основу. Подчеркнём ещё раз, не реформистскую, не ангажированную политическую, как это имело место в 1990-х гг., а именно **прагматически выверенную социально-экономическую направленность**. Подобный вектор развития был заявлен неоднократно и самим Правительством России, но, к сожалению, результаты пока более чем скромные: по сути, не один стратегический замысел по повышению уровня народного благосостояния, разрабатываемый в последние десять лет, так и не был доведён до логического завершения.

В Послании Президента России Федеральному Собранию [18] новый стратегический посыл приобретает комплексную, **предметную** направленность. Вдумчиво консолидируя позиции различных экономических школ, в 2017 г. в целом разработан и представлен Комплексный план действий Правительства РФ на период до 2025 г. [19]. На наш взгляд, этот документ не имеет однозначно выраженного либерального или консервативного оттенка, здесь важно иметь ввиду стратегическую модель здравого смысла. Основываясь на Послании Президента России [18], в указанном плане действий, в частности, просматриваются меры по достижению не позднее 2019-2020 гг. темпов роста экономики, превышающих среднемировые. основополагающими направлениями действий является разработка новых федеральных законов, в частности, и это особенно важно, по вопросам тарифной политики, оптимизация контрольных функций государства по отношению к бизнесу, снятие чрезмерных административных барьеров и упрощение деятельности предпринимателей различного уровня [19]. Сумеет ли всё это реализовать, вот в чём главная проблема...

В Комплексном плане Правительства РФ за основу принят перечень мер, предложенных Президентом в Послании для реализации стратегического манёвра, и это вполне соответствует тем позициям, которые не получили достаточного развития в предыдущие годы, или вообще подчас отодвигались на второй план. Их реализация будет способствовать решению социальных задач, вплотную стоящих перед нынешним российским государством. Среди обозначенных в Послании Президента России мер – улучшение делового климата, повышение эффективности крупных инвестиционных проектов, стимулирование наращивания объёмов несырьевого экспорта, развитие малого и среднего предпринимательства, повышение эффективности государственной поддержки отраслей экономики, совершенствование налоговой системы [18]. Сможет ли, наконец, разработанный план действий правительства разумительно ответить на поставленный обществом более четверти века назад вопрос: «Куда идём?» Всё же было бы неплохо в ближайшие годы существенно приблизить Россию к социальному государству.

Не вызывает сомнений, что выполнить это можно лишь на основе **цивилизованного компромисса между либерально-рыночным и государственно-плановым** крылом экономической элиты. Сейчас же отрадно подчеркнуть хотя бы тот факт, что в непростой период времени появилась реальная возможность объединить политическую волю, интеллектуальный и ресурсный потенциал для осуществления важнейших стратегических замыслов и национальных интересов России.

Литература:

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с. – URL: www.socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf
2. Скидельски Р. Кейнс: Возвращение мастера / Пер. с англ. О. Левченко; науч. ред. О. Замулин. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. – 253 с.
3. Блауг М. Милтон Фридмен // 100 великих экономистов после Кейнса. – СПб.: Экономикс, 2009. – С. 316-321.
4. Моисеев С. Неизвестный Фридмен: вклад великого монетариста в развал Бреттон-Вудса // Вопросы экономики. – 2005. – № 3. – С. 83-98.
5. Абалкин Л.И. Россия: осмысление судьбы. – М.: Изд-во «Экономическая газета», 2012. – 864 с.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (ред. от 08.05.2015 г.). – URL: http://www.Consultant.ru/document/cons_doc-LAW_163855/
7. Путин на Валдае: 10 заявлений, которые потрясут мир. – URL: <http://www.Politonline.ru>
8. Колодко Гж.В. Эра Азии на фоне евро-атлантической цивилизации? // Вопросы экономики. – 2017. – № 10. – С. 140-147.
9. Полтерович В. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5-23.
10. <http://www.Neftegaz.ru>
11. Krugman P.R. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99. – № 3. – P. 483-499.
12. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc-LAW_164841/
13. Клейнер Г. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории // Вопросы экономики. – 2016. – № 2. – С. 117-138.
14. <http://www.Vedomosti.ru>
15. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 149 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016-2017 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Указ Президента Российской Федерации от 5 июня 2015 г., № 287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 1 декабря 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».
19. Предложения в Комплексный план действий Правительства Российской Федерации на период 2017-2025 годов. – URL: http://www.rcot86ru./25_predlozheniy_v_Kompleksnyy_plan_deystviy_pravitelstva_RF.pdf

Modern Economy and National Priorities for Russia

Orlov S.L., Davydova A.S.
Plekhanov Russian University of Economics

Nestulayeva D.R.
Kazan State Power Engineering University

Transition of world economy in the 21st century is characterized by the distinctive imperative of development in the long term fully designated only in the last decade during large-scale financial crisis of 2007-2008. Realities of the modern world order demand judgment and consecutive specification of the most specific and significant elements. However, the general features, characteristic for all global economy, do not level but, to the contrary, highlight special features, inherent for the national economic system of Russia, taking into account problems of a present stage of development, an estimated strategic paradigm and also numerous historical, climatic and moral and ethical values. The thing is that we had, have and will have own national interests, and, therefore, features of their realization. The main objectives of Russian authorities in various areas of modern world order and in the sphere of global public priorities must be formed accordingly.

Key words: keynesian and monetaristic concepts, general and special, supranational economic space, multipolar judgment of geopolitics, social stability, strategic planning, modern institutes, Comprehensive plan of actions of the Government.

